

**Г.Е. Фролов и И.Н. Заволоко: история духовного общения
(1927–1930)***

История духовного общения двух наиболее известных прибалтийских староверов: иконописца из Эстонии Гавриила Ефимовича Фролова (1854–1930) и крупнейшего старообрядческого деятеля Латвии Ивана Никифоровича Заволоко (1897–1984), почитавшего себя учеником Фролова, – тема обширная и чрезвычайно интересная. Она немного затрагивалась в работах исследователей из Латвии [Пазухина 1999: 65; Мекш 2001: 82, 86], но до сих пор еще не была полностью раскрыта. В настоящей работе на основании писем Г.Е. Фролова к И.Н. Заволоко за 1927–1929 гг., хранящихся в древлехранилище ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН, сделана попытка исследовать взаимоотношения этих двух, несомненно, выдающихся личностей.

Г.Е. Фролов родился в посаде Митьковка Черниговской губернии в семье иконописца-раскольника федосеевского толка, приучившего детей с самого раннего возраста к постоянной работе и молитве. По приглашению староверов Резекне в 1868 г. семья Ефима Фролова прибыла в Прибалтику, где была основана семейная иконописная мастерская. После смерти отца в 1875 г. Гавриил и его брат Тит были вызваны в московский старообрядческий центр на Преображенское кладбище, где устроили свою иконописную мастерскую. Гавриил писал иконы и в Казани, и в Самаре, но кочевая жизнь была не из легких, и через четыре года он вернулся обратно в Резекне. В конце 1880-х гг. слух об иконописцах Фроловых достиг берегов Чудского

* Статья написана при финансовой поддержке целевого капитала Тартуского университета SF 0182544s03 и Эстонского научного фонда, грант № 5382.

озера. Я.П. Софронов из деревни Тихотка (эст. Tiheda) пригласил братьев Фроловых перебраться в Причудье. С тех пор соседняя с Тихоткой деревня Рая (Раюши), облюбованная Гавриилом Фроловым для своего местопребывания, стала духовным центром для староверов не только Эстонии, но и всей Прибалтики.

В конце 1893 г. Фролов направил в Лифляндское губернское правление прошение разрешить основать иконописную мастерскую в Тихотке [Исторический архив Эстонии. Ф. 296. Оп. 6. Д. 5212]. Поскольку у Фролова не было свидетельства о принадлежности к иконописному цеху, ему был назначен четырехмесячный срок, чтобы предоставить таковое из внутренних губерний России. Несмотря на административные препоны, первая в Причудье мастерская иконописи была открыта, но не в Тихотке, а в Раюшах. Отсюда вышла целая плеяда иконописцев XX в., в том числе всемирно известный Пимен Софронов, а также Марк Солнцев, Федор Мызников, Дмитрий Поляков, Николай Глухов, принимавшие непосредственное участие в росписи Кикитовского, Раюшского, Муствеэского, Тартуского и других староверческих храмов Эстонии. Необходимо сказать, что Фролов передавал своим ученикам не только секреты древлеправославного искусства иконописи (особое приготовление красок, аскеза и экстатическое состояние духа при писании икон), но обучал их церковному крюковому пению (знаменного распева) и на личном примере истинному благочестию.

Шедевром иконописного творчества Фролова стала пятиглавая моленная в Раюшах, построенная на участке, приобретенным им на собственные средства. Он же и украшал ее совместно с учениками. всю жизнь Фролов был книжником, собирал старинные книги и рукописи. После его смерти богатейшая библиотека и архив находились в маленьком доме при моленной. Во время Второй мировой войны 30 августа 1944 г. раюшская моленная сгорела, но все иконы Фролова и его учеников удалось вынести.

Лучше всего о многогранной деятельности Г.Е. Фролова сказал его ученик П.М. Софронов: «Как ревностный христианин древнего православного исповедания старопоморского согласия покойный Гавриил Ефимович принимал самое живое участие в постройке красивого храма в д. Раюше. Обладая красивым голосом и в совершенстве зная старинное крюковое пение, он за всю свою долгую жизнь в Причудье отдавал много сил на обучение хоровому пению подрастающего поколения. Кроме того, он неумолимо обучал молодежь славянскому чтению и иконописанию» [Софронов 1931: 24]. Добавим, что во времена Эстонской Республики Фролов стал наставником в Раюшской общине и баллотировался как кандидат в эстонский парламент в списке депутатов от Причудья [Исаков 1996: 363–366; Шор 2005: 438–439].

Несмотря на значительную разницу в возрасте, биография одного из образованнейших людей своего поколения старовеера-просветителя И.Н. Заволоко в чем-то похожа на житие истового приверженца древлеправославия иконописца Г.Е. Фролова. Заволоко, хотя и короткое время, также был наставником и в 1931 году участвовал в выборах Сейма. Так же, как и у Фролова, у него не было семьи, и главным смыслом жизни для обоих было сохранение, защита и развитие староверия. Именно эту идею они постоянно проводили в своих статьях и книгах [Мекш 1997: 89–99]. Духовное родство двух незаурядных прибалтийских деятелей староверия отчетливо отразилось в их переписке. К сожалению, писем Фролова к Заволоко сохранилось всего десять, а писем последнего только три. Все же, несмотря на явную фрагментарность имеющегося в распоряжении исследователей эпистолярного наследия, есть основание говорить об их глубокой взаимной приязни и истинном уважении друг к другу. Их переписка хранится в древлехранилище Пушкинского Дома в коллекции И.Н. Заволоко [Маркелов 1999: 98–99].

Точную дату знакомства Фролова и Заволоко пока установить не удалось, но их переписка началась, возможно, еще до 1927 года. Заволоко заканчивал свою учебу в Карловом университете и строил планы на будущее, которое уже тогда связывал с углубленным изучением и пропагандой древлеправославия [Инфантьев 1997: 19–20]. Во всяком случае, из письма Фролова от 4 сентября 1927 г. явствует, что он, по просьбе Заволоко, передал в Прагу тетрадь со своими записками, которыми впоследствии разрешил пользоваться по своему усмотрению [Рукописный отдел... № 207: 18]. Летом этого же года, приехав в Ригу, Заволоко занимался активной деятельностью по поддержанию и развитию старообрядческой культуры.

2 июня 1927 г. группой молодых единомышленников при обществе «Гребенщиковское училище в г. Риге» был основан Кружок ревнителей русской старины, старостой которого стал Заволоко [Ягодкин 2004: 5–6]. На первом же заседании по его предложению кружковцы решили издавать сборник «Родная старина», «посвященный вопросам религиозно-нравственного и национального просвещения» [Родная старина 1927: 1]. С 6 ноября 1927 г. по июль 1933 г. под непосредственной редакцией И.Н. Заволоко вышло в свет 13 номеров этого самобытного, богато иллюстрированного историко-культурного журнала [Мекш 1997: 92–93]. Собирая материалы для публикации, Заволоко обратился к Фролову с просьбой написать для готовящегося издания статью об иконописи Андрея Рублева и о своей деятельности как иконописца. В письме от 9 июля 1927 г. Фролов отвечал так:

«Многоуважаемый Иван Никифорович!

Письмо Ваше получил, за которое много благодарен, спаси Господи и помилуй!

Что образован Вами кружок, до Вашего письма ничего не знал. Газету «Слово» не получаю и никто другой в нашей деревне. Написать какую-либо

статью для «вестника» [«Родная старина» имела подзаголовок «Староверческий исторический вестник». – Г.П., Т.Ш.] едва ли я сумею. О иконописи у Рублева совершенно ничего не могу. Явилась одна мысль, в каком смысле написать статью, но думаю, едва ли она вашему кружку понравится, но все-таки напишу: подойдет напечатать – напечатайте; не подойдет, то хоть прочтаете. Опасаюсь, как бы я не опоздал ее выслать. Описывать мне свою деятельность, чувствую, неловко. Это будет самохвальство, трубить о себе на весь мир. Трубить писанием запрещено. Да и какая польза от этого будет, только тщеславие. Прилагаю при сем фотографию и исписанный лист. Если найдете нужным из него напечатать, то переделайте, чтоб было грамотно. Я наук не проходил никаких, и лучше составить не могу. Мне хотелось хотя бы грамматику выучить, но не было у кого, но теперь уж не к чему, немного осталось до смерти. За сим кланяюсь Вам и желаю всяких благ. С глубоким почтением

Г.Е. Фролов.

9-го (21) июля 1927 г.

Не имеете ли фотографии Вашего нового кружка, я желал бы иметь» [Рукописный отдел... № 207: 53].

Хотя первого письма самого Заволоко к Фролову не сохранилось, из ответа явствует, что речь идет о только что созданном староверческом Кружке ревнителей русской старины в Риге и о предложении Заволоко писать для журнала. Из письма видно, что образованный и ищущий духовной правды тридцатилетний кандидат права вызывал у Фролова искреннее чувство уважения и симпатии так же, как и молодые участники кружка, чьи лица он хотел бы видеть хотя бы на фотографии.

Пробный номер «Родной старины» вышел в ноябре 1927 года. Он был посвящен творчеству Андрея Рублева. Статьи о великом русском иконописце принадлежали: первая, «Андрей Рублев», – известному историку, бывшему

профессору Юрьевского университета, в то время преподававшему в семинаре Н.П. Кондакова в Праге Е.Ф. Шмурло, а вторая, «О преподобном иконописце Андрее Рублеве», – самому И.Н. Заволоко [Родная старина 1927: 3–5]. Упомянутый в письме Фролова «исписанный лист», а также две уникальные фотографии – самого Фролова с учеником П. Софроновым и внутреннего вида Раюшского храма с пятирусным иконостасом на заднем плане – были напечатаны в этом же номере сразу после вступительных статей о Рублеве в заметке под названием «Заветы старины». Начиналась она знаменательными словами: «Спим мы все, братие, не только молодые, но и старики» [Родная старина 1927: 6]. Суть же этой проповеди (а это, без сомнения, образец проповеднической речи) сводилась к тому, что старообрядцы должны жить не по духу времени, который изменчив, а значит, и преходящ, а по истинным заветам старины. Соблюдать староверие необходимо не только во внешнем облике при явлении на людях, но и в вечном и неустанном труде, освященном молитвой. Любопытно тут замечание Г.Е. Фролова: «Если стыдно себя на улице показать христианином пред развращенным миром, то зачем же ты являешься в моленную и в христианские собрания и съезды в антихристианском виде. И что еще прискорбнее, таковые миролюбцы допускаются на все совещания и даже в председатели» [Родная старина 1927: 6].

Сам Заволоко прокомментировал полученную проповедь Фролова в ответном письме от 28 августа 1927 г. таким образом:

«Дорогой Гавриил Ефимович,

Сердечное спасибо за Вашу статью и за выдержку из творений св. отцов «Жизнь наша страна чужая». Вы словно угадали мои мысли.

Сегодня я собирался Вам писать и просить о разрешении поместить выдержки из Вашей тетради (помните, которую мне прислали в Прагу). И вдруг получаю Ваш конверт с ставшим мне так знакомым очерком.

Вскрываю, а там Ваша статья. То, что Вы написали – это более, чем нужно. Даст Бог, наше скромное начинание принесет плоды. Мы знаем трудности, которые перед нами предстоят, но с верой в силу Всевышнего, мы вступаем в борьбу с охватившей староверчество спячкой. К слову сказать, мы, Гавриил Ефимович, отбрасываем слово «старообрядчество», а заменяем его словом «староверие». Ведь не за обряды боролись наши прадеды, а за старую древле-православную веру» [Рукописный отдел... № 206: 1].

Отметим, что в первом же номере «Родной старины» была помещена заметка «Древнейшие иконы гребенщиковского молитвенного дома в Риге», в которой рассказывалось о трех редких иконах. В иконописном собрании общины число старинных икон доходило до 40, но многие из них были в плачевном состоянии. Заволоко, со своей стороны, просил Фролова как иконописца помочь с реставрацией пришедших в ветхость икон в Гребенщиковской моленной. В уже цитированном выше письме он писал: «Еще просьба к Вам, Гавриил Ефимович. У нас в Гребенщиковской моленной несколько икон пришло в такую ветхость, что могут рассыпаться от легкого удара (червячок источил все дерево, осталось одно письмо). Наш кружок решил спасти эти иконы и обратился в совет общины, что бы он принял меры. Решили обратиться к Вам. Быть может, Вы смогли бы помочь и перенести иконы на новую доску, а то и письмо уже начинает червячок портить» [Рукописный отдел... № 206: 1].

Фролов в ответном письме советовал поговорить с хорошим мастерами-столярами и узнать, «могут ли они спилить гниль и оставить к лицу только четверть дюйма и потом наклеить на новое дерево» [Рукописный отдел... № 207: 18]. Одновременно он рекомендовал не предпринимать решительных действий до приезда самого Заволоко в Причудье. Фролов предлагал обсудить эту тему обстоятельно у него в Раюшах, Заволоко же приглашал Фролова приехать в Ригу. От последнего предложения

иконописец отказался по ряду причин. В начале лета 1928 г. он писал: «Приехать к Вам в Ригу на лето обстоятельство не позволяет. Надолго отлучаться нельзя, не на кого оставить и быть учителем по старости уж не могу» [Рукописный отдел... № 207: 5].

Хотя Фролов не получил систематического школьного образования, но его начитанность в религиозной литературе была феноменальной. В письмах к Заволоко и в своих статьях он то и дело ссылался на Евангелие, Библию, слова Иоанна Златоуста и другие авторитетные для истинного христианина источники. Он постоянно делал выписки из старых книг и посылал наиболее важные из них своему корреспонденту в Ригу. При этом, не будучи силен в грамматике, Фролов обладал хорошим стилем, и в его писаниях чувствуется внутренняя убежденность и скрытая энергия. Большая начитанность (его можно было бы назвать начетчиком), безупречная личная биография и убежденность в собственной правоте делали высказывания Фролова авторитетными для молодых староверов.

Заволоко, проявив недюжинные организаторские способности, привлек к работе в «Родной старине» многих староверческих наставников, но, по подсчетам Э.Б. Мекша, «Фролов будет самым печатаемым (после Заволоко) автором в *Родной старине*. Его перу принадлежит 7 статей (одна – посмертная)» [Мекш 2001: 81–82]. Перу Фролова принадлежали следующие заметки, опубликованные Заволоко: «Заветы Старины», «О мирском страдании», «О путях человеческих», «Свв. (*sic!* – Г.П., Т.Ш.) Отцы об иконопочитании», «О последних днях человеческих», «О покаянии», «Врата адовы не одолеет ей!».

Посланные и опубликованные в «Родной старине» фотографии Г.Е. Фролова оказались не единственными в собрании И.Н. Заволоко. К письму, подписанному 1 февраля (по новому стилю 15. – Г.П., Т.Ш.) 1928 г., Фролов приложил свою фотографию с припиской: «Посылаю Вам на память мой

портрет последней снимки» [Рукописный отдел... № 207: 4]. В статье, посвященной памяти Фролова, Заволоко опубликовал еще три имеющиеся у него фотографии учителя 1876, 1899 гг., а также свой снимок «Г.Е. Фролов на смертном одре» 1930 г. [Родная старина 1931: 242].

Вопрос о поездке Заволоко с лекциями по Причудью и в Изборск обсуждался в мае 1928 г. Тогда же Фролов, со слов П. Софронова, писал о возможности получить фотографические снимки с изборских достопримечательностей: «Не хотите ли в Изборске сделать снимки, то Пиман говорил, что их можно получить у местного фотографа, то это будет скорей» [Рукописный отдел... № 207: 8].

Сам Фролов, как и другие причудские староверы, проявлял большой интерес к лекциям Заволоко. Он писал: «В праздник 7 мая ко мне приходили из Черновской общины два попечителя по своему делу и говорили о вашем приезде к Троице. Они этого очень хотят. Хотят, чтобы у них были прочитаны Вами лекции, говорили о помещении, соберут и народ» [Рукописный отдел... № 207: 3]. В мае 1929 г. Заволоко гостил в Раюшах у Фролова. 10 мая им была прочитана лекция «Народное творчество русской деревни» с демонстрацией диапозитивов в Муствеэ [Лекция И.Н. Заволоко 1929; Пономарева 1998: 37]. Тогда же в общении с учителем от Фролова, а также от староверов Т.Т. Березина и К. Глухова были записаны духовные стихи.

Фролов не только был одним из ведущих сотрудников «Родной старины», но, несмотря на преклонный возраст, активно занимался распространением вестника в Причудье. Первоначально Заволоко ему не объяснил, платные это журналы или бесплатные, поэтому Фролов раздавал их бесплатно. Потом недоразумение выяснилось, и в письме от 1 (15) февраля 1928 г. он рассказывал Заволоко о своей роли распространителя журнала: «Если бы сидел на месте и ждал, пока кто придет и купит, то почти нисколько

не продал бы. Пришлось посылать. Некоторые носили в Раюши, Кикиты, Тихотки и Черном, а две девочки вызвались пройти и в дальние деревни: Красные Горы, Кольки, Казепель и Воронью, последняя дер[евня] верст 40 от нас. Продали всего только 16 экз[емпляров], а 2 экз[емпляра] от них украли» [Рукописный отдел... № 207: 4]. Распространителям «Родной старины» Фролов не платил, но дарил журнал.

Активно помогая журналу «Родная старина», Фролов все же имел свое мнение, причем одна тема была для него совершенно неприемлема. Так, он писал Заволоко: «Если же будут помещаться статьи в защиту бессвященнословного брака, то те № [номера] отказываюсь распространять» [Рукописный отдел... № 207: 4].

В письмах Заволоко постоянно обращался к Фролову с просьбами присылать статьи для журнала, и иконописец охотно шел навстречу этим предложениям. В чем видел свою миссию Фролов как религиозный публицист и проповедник? Разумеется, его произведения тяготели к проповеди, к «слову» и не были предназначены для светского читателя. Он писал для старовера, основательно знакомого с древлеправославием и Священным писанием, считая, как некогда Аввакум, что должен помочь своим чадам найти верный путь и сказать им правду.

В письме к Заволоко он писал: «Посылаю Вам обещанную статью, подойдет ли она к печати или нет? То хотя бы прочитывайте кому подойдет. Хорошо если бы и отпечатать. Может, кто-нибудь и пришел бы в чувство ведь почти все не знают по какому пути идут. Уж слишком осилила мирская прелесть и стыд пред развращенным миром. Может быть, некоторые и посмеются над ней, но это не должно смущать ведь смеялись и над Ноем, что он строил ковчег, и над содомляне. И вообще страдали говорящие правду» [Рукописный отдел... № 207: 56].

В конце 1920-х годов Фролов выступает в роли не только наставника Раюшской общины, но и наставника молодых староверов Эстонии и Латвии. А они в таком наставничестве нуждались. В пробном номере «Родной старины» помещено обращение староверческого Кружка ревнителей русской старины «Братие-христиане!», в котором они признавали: «У нас не хватает достаточных знаний и жизненного опыта» [Родная старина 1927: 2]. Кружок обращался к наставникам с призывом поддержать их деятельность.

Больной и старый Фролов видел свою опору и духовных наследников не в немощных стариках-староверах, а в энергичных молодых людях, которые следуют заветам предкам. Но не все было так гладко, как виделось ранее Заволоко из Праги. Он жаловался в письме к Фролову на трудности, с которыми сталкивался старообрядческий кружок. Разумеется, молодым староверам приходилось тяжело. Современники не понимали их, видели в них ряженых, одетых в вышитые русские косоворотки. Фролов же считал это делом обычным, потому что и сам всю жизнь противопоставлял себя миру. «Вы пишете, что вашему Кружку приходится терпеть насмешки. Да, это дело обыкновенное, мир не любит тех, которые с ним несогласны» [Рукописный отдел... № 207: 5].

Строя свою биографию, Фролов во многом ориентировался на жития святых. Он считал, что это и есть образцы для подражания для молодежи. 4 сентября 1927 г. он писал Заволоко: «Хорошо, что в вашем Кружке начали прочитывать жития Святых. В них существуют бесконечные замечательные уроки для нашей жизни» [Рукописный отдел... № 207: 18].

Фролов жил и в XIX, и в XX веке, но никакие превратности судьбы не могли отвратить его от следования древлеправославным традициям XVII века. Естественно, что у него было много противников. К их числу относились прежде всего религиозные оппоненты: баптисты (в межвоенное время баптисты были очень активны в Причудье), никониане (в Причудье

сосуществовали не только старообрядческие общины, но и православные приходы, например в Муствезе, Нина и др.). Но главными его противниками были сами старообрядцы, отходящие от древлеправославных устоев. Как известно, Фролов принадлежал к федосеевской общине, а в Эстонии в межвоенный период преобладали поморцы. Существовало только две федосеевские общины и десять – поморских. Против Фролова в Эстонии выступал один из авторитетных наставников-поморцев Ф.П. Савосткин. Непросто складывались и его взаимоотношения со староверами Латвии.

Заволоко писал Фролову 10 декабря 1929 г.: «Читал я в письме, что Суворов и Екимов извергают хулу и чуть ли не анафеме Вас предают. Воистину обезумел род христианский» [Рукописный отдел... № 206: 2]. А.И. Екимов был редактором «Старообрядческого церковного календаря» и председателем Духовной комиссии Латвии, то есть лицом очень влиятельным. Суворов – это, по-видимому, наставник Парамоновской общины в Латвии М.Е. Суворов.

По словам П. Софронова, Г.Е. Фролов «постоянно бывал приглашаем на духовные съезды в качестве крупного авторитета в делах старообрядчества» [Софронов 1931: 24–25]. Но в ноябре 1929 г на VI старообрядческом съезде в Тарту его публицистика была подвергнута суровой критике. В частности, статья Фролова в «Родной старине» «О последних днях человеческих» [Родная старина 1929: 163–165] и его брошюра «Какая жизнь, такие и догматы (Нравственное состояние старообрядцев-беспоповцев от половины 17 века до наших дней)», подписанная криптонимом «Г.Е.Ф.» [Г.Е.Ф. 1928], вызвали решение съезда перестать поддерживать отношения с федосеевцами. Заметим, что Заволоко не получил приглашения участвовать в этом съезде. Он, между тем, писал Фролову так: «Хотел было я поехать на съезд в Юрьеве, но как приглашения не получил (!), то незванным гостем не хотел явиться» [Рукописный отдел... №

206: 2]. Зато на этот съезд был приглашен ярый противник Фролова председатель Духовной комиссии старообрядцев Латвии наставник Екимов. Он дополнил доклад М.Ф. Савосткина, выступив с разъяснениями, «касающимися статьи Фролова в журнале «Родная старина» (№ 7) и его брошюры «Какая жизнь, такое и учение», распространяющие несогласное с правилами св. Апостол и св. Отец учение». После этого съезд «постановил: считать сие учение противным церкви, как отнесенное правилами церковными к бракоборзной ереси» [Старообрядческий съезд 1929]. Кстати заметим, что название брошюры Фролова в газетной заметке было приведено неверно, а уж о содержании судили и вовсе весьма пристрастно.

Возможно, что именно из-за особого интереса к федосеевцам Заволоко не был приглашен в Эстонию на этот старообрядческий съезд, хотя к тому времени он уже был довольно известным деятелем среди староверов Прибалтики. В письме от 10 декабря 1929 г. он писал: «Послал я № 8 журнала. Следующий номер будет посвящен Феодосию Васильеву и истории староверия в новгородских пределах. Желательно было бы получить историю Вашей общины и тех общин Вашего согласия, которые находятся в Эстонии» [Рукописный отдел... № 206: 2]. Но Фролов уже был слишком стар и измучен болезнью, поэтому материал об истории федосеевских общин в Эстонии так и не был им написан.

В настоящее время очень распространена легенда о тайном старообрядческом монастыре, который существовал в Раюшах при Фролове. Это, конечно, миф, созданный экскурсоводами для привлечения слушателей. Но дыма без огня не бывает. Фролов стремился построить свою жизнь в деревне, как в старообрядческом скиту, уйти от мира. О такой же жизни мечтал и Заволоко, что еще раз подчеркивает их духовное сходство. В октябре 1929 г. он писал Фролову: «Часто думаю о Раюшах. Может и мне Господь сулит окончательно порвать с мирскою суетой и поселиться в ваших

краях». Далее он продолжал: «Пока молю Господа, что бы он помог мне закрепиться на тяжелом пути защиты устоев староверия» [Рукописный отдел... № 206: 3]. Больной телом, но крепкий духом Фролов помогал молодым староверам нести крест и укрепиться на тернистом пути к духовному совершенству.

В переписке Фролова и Заволоко отражен еще один интересный момент истории староверия в Эстонии. В межвоенный период староверы Эстонии стеной стояли за сохранения старого календарного стиля и все церковные праздники справляли по старому стилю, несмотря на запреты и препоны со стороны государства. Фролов, верный старой традиции, делает в письме замечание Заволоко по поводу использования новой календарной системы: «Вы пишете числа по новому, а это не хорошо. Нам Христианам нужно стараться избегать этого. Перемена стиля это антихристово» [Рукописный отдел... № 207: 18].

Последнее письмо И.Н. Заволоко с извещением о посылке очередного, восьмого номера журнала «Родная старина», с которым были связаны последние годы жизни Фролова, было написано за год до смерти иконописца, последовавшей 28 сентября 1930 года. Его отпевание происходило в построенном им Раюшском храме. В храме присутствовало 2,5 тысячи человек. В газете отмечалось выступление «старосты кружка ревнителей старины И.Н. Заволоко (из Риги)» [Похороны... 1930].

В 1931 г. в десятом номере «Родной старины» Заволоко опубликовал посмертную статью Г.Е. Фролова «Врата адовы не одолеть ей!». Как завет звучали последние слова Фролова: «И отвергшее нечестие наших дней, проживем целомудренно и благочестиво в нынешнем веце, ждущее божественные надежды и явления Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Ему-же честь и слава и ныне и присно и во веки веков. Аминь» [Родная старина 1931:

230]. Публикуя эту проповедь, Заволоко отдавал дань уважения и любви своему духовному наставнику.

Г.Е. Фролов оставил двух выдающихся учеников, которые считали его своим учителем, – иконописца П. Софронова и старообрядческого деятеля И.Н. Заволоко. Они реализовали две разные стороны его личности: Софронов стал выдающимся, всемирно известным иконописцем, Заволоко же в межвоенный период написал около десяти книг, а в 1940 г. был избран наставником Режицкой кладбищенской общины. Семнадцать лет лагерей и ссылки, а также гонения на веру в советское время не позволили ему реализовать мечту стать, как и его учитель Г.Е. Фролов, писателем-наставником¹.

ЛИТЕРАТУРА

Г.Е.Ф. Какая жизнь, такие и догматы (Нравственное состояние старообрядцев-беспоповцев от половины 17 века до наших дней). Рига, 7437 (от Р.Х. 1928 г.).

Заволоко И.Н. Светлой памяти Гавриила Ефимовича Фролова // Родная старина. Переиздание. М., 1997.

Заккрытие старообрядческого съезда // Вести дня. № 302. 1929. 6 ноября.

Инфантьев Б.Ф. И.Н. Заволоко-фольклорист // Памяти Заволоко Ивана Никифоровича. Сб. статей и материалов, посвященных 100-летию И.Н. Заволоко. Рига, 1999.

Исаков С.Г. Гавриил Ефимович Фролов // Русские Эстонии. 1918–1940. Тарту, 1996.

Исторический архив Эстонии. Ф. 296. Оп. 6. Д. 5212.

¹ 25 августа 2007 г. на могиле Г.Е. Фролова на старообрядческом кладбище в деревне Рая наставником Рижской Богоявленской общины А. Каратаевым был освящен крест. Этот крест – подарок от староверов Резекне. В Режицах (Резекне) была иконописная мастерская Фроловых. Крест является свидетельством заслуг Г.Е. Фролова как иконописца и духовного писателя перед староверами Прибалтики.

Как живут русские в Причудье. Газета «Сегодня» 1934. № 186 // Старовер. Информационный вестник. №11. Рига, 1997.

Лекция И.Н. Заволоко // Вести дня. № 130. 1929. 14 мая.

Маркелов Г.В. Изограф из Причудья // Памяти Заволоко Ивана Никифоровича. Сб. статей и материалов, посвященных 100-летию И.Н. Заволоко. Рига, 1999.

Мекш Э. Пасхальные дни И.Н. Заволоко в Причудье // Староверие Латвии. Рига, 2005.

Мекш Э.Б. И.Н. Заволоко – редактор и автор *Родной старины* // Kalbotyra 50 (2). Slavistica Vilnensis. 2001. Vilniaus Universiteto Leidykla. 2001.

На съезде старообрядческих общин // Вести дня. № 299. 1929. 3 ноября.

Пазухина Н.В. И.Н. Заволоко. Вехи жизненного пути // Памяти Заволоко Ивана Никифоровича. Сб. статей и материалов, посвященных 100-летию И.Н. Заволоко. Рига, 1999.

Пономарева Г. Староверы Латвии – участники всеэстонских съездов Эстонии // Староверие Латвии. Рига, 2005.

Пономарева Г.М. Заволоко и Эстония // Иван Никифорович Заволоко: жизнь и судьба. Резекне, 1998.

Похороны Г.Е. Фролова. Причудье // Старый Нарвский листок. 1930. № 112. 7 октября.

Родная старина. 1927. № 1.

Родная старина. 1929. № 7.

Родная старина. 1931. № 10.

Родная старина. Переиздание. М., 1997.

Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН. Коллекция И.Н. Заволоко. Письма И.Н. Заволоко Г.Е. Фролову. Шифр № 206.

Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН. Коллекция И.Н. Заволоко. Письма И.Н. Заволоко Г.Е. Фролову. Шифр № 207.

Софронов П.М. Памяти Г.Е. Фролова // День Русского Просвещения. Таллин, 1931.

Старообрядческий съезд (Корреспонденция из Юрьева) // Старый нарвский листок. № 128. 1929. 12 ноября.

Шор Т. Фролов Гавриил Ефимович // Староверие Балтии и Польши. Краткий исторический и биографический словарь. Вильнюс, 2005.

Ягодкин А. Иван Никифорович Заволоко 1897–1984 // И.Н. Заволоко. Странник, идущий в гору. Рига, 2004.

WWW.STAROVERER.EU